

НЕ ДЛЯ ТЩЕСЛАВИЯ — ДУШИ РАДИ

Художник Иван Копаченко

Признанный, авторитетный, заслуженный художник Украины Иван Павлович Копаченко частыми встречами со своими произведениями поклонников не балует. И вовсе не потому, что пренебрегает, просто считает нескромным выставляться без повода. Поводом же служит, как правило, желание показать себя обновлённого, выразившего то, что волнует, на холсте. И тогда рождается выставка. Между предыдущей и подготовленной, которую нам скоро предстоит увидеть, — пять лет. Душа сделала очередной виток вверх, к горнему. Отстоялись в мастерской полотна, стало понятным, какие именно на люди выводить.

— Иван Павлович, многие ваши коллеги говорят, что делают экспозиции не только для почитателей, но и для себя: в выставочном зале иначе видится сделанное, отстранённое, а значит, объективнее. Вы тоже так считаете?

— Думаю, это для красного словца. Художник всегда знает, что вышло из-под его кисти. Если не лукавит перед собой. Тогда и перед другими лукавства не будет. Выставки нужны, конечно. Во-первых, далеко не всех, кто хочет увидеть, что новенького ты сотворил, пригласишь в мастерскую, которую недаром называют «святая святых» художника. Здесь действительно создаётся определённая аура, которую не гоже разрушать. Для близких людей, друзей, конечно, дверь её открыта всегда. Они ведь не только зрители, но и помощники, советчики. Бывает, одно слово подсказет самое верное решение и тем самым определит судьбу полотна.

— Ваша собственная творческая судьба началась, я бы сказала, с некоторого казуса. Главной фигурой ранних графических работ был человек труда, личность созидающая, героическая. И при этом на вас пытались навести ярлык авангардиста.

— Было такое. Форма, говорили, не наша, слишком много неоднозначности в трактовке, символики. Некоторые даже заявляли, что если выставком примет на выставку мои работы, они свои не дадут в экспозицию.

— Надеюсь, этих «некоторых» были считанные единицы. Хотя и этого было достаточно, чтобы ярлык прикрепить, в те годы это просто было. Что спасло?

— Скорее кто. Люди. Леонид Васильевич Лабенок на правах председателя нашего творческого союза отдавал два голоса за то, чтобы мои работы были приняты. На его и моей стороне был Виктор Степанович Бартошин, работавший в идеологическом отделе обкома партии, который и поставил окончательно и бесповоротно моих рьяных противников на место, сказав, что никакого основания подвергать меня и мои работы остракизму нет. Мощной была поддержка Олега Грачёва, Степана Мамича, Геннадия Арефьева, людей авторитетных в нашем кругу.

— Найденная в молодости форма, стиль повторяются теперь уже в живописных полотнах, которые пришли на смену графике. Завидное постоянство. Но, опять же, упрекнуть могут — наезженная колея.

— Форма для меня никогда не была главенствующей. Всё подчинял и подчиняю только выразительности. Образу. Всегда стремился и стремлюсь, чтобы не форма довлекла, а смысл. А если кто-то недопонимает... Это, как говорится, его проблемы. Я не повторяюсь в новых работах, а обновляюсь. Мы все — дети своего времени. Я — дитя войны, шестидесятник. В молодости отличался сдержанностью, что и в работах отражалось. Сейчас — более импульсивен. Но и теперь чувствую себя шестидесятником. Главное — не остаться в прошлом, состыковаться со временем, до которого Господь позволил дожить. Важно не заиграться со временем, не заигрывать с ним, помня, что оно, как и мы, преходящее, а душа — категория вечная.

— Многие новые работы сделаны на мотивы, родившиеся в путешествиях: Средняя Азия, север. Воспоминания живы?

— Ещё как! Столько повидал, что на всю жизнь впечатлений хватило. Замечательные были годы для роста. Выезжали в разные уголки целы-

ми бригадами, в которых собирались коллеги с Украины, из России, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии. Человек двадцать обрушивались на какой-нибудь «медвежий угол» в Башкирии, в Чечне, в Аварии. Меня всегда интересовало, как люди живут, поэтому не упускал малейшей возможности побывать в новом месте. Нас везде принимали с распростёртыми, что называется, объятиями. Мы потом во всех посёлках оставляли на память свои работы. Для нас, молодых, это было нужно как воздух: сам рос, видел, как растут твои товарищи.

— Стиль свой собственный, отличный от других, долго вырабатывали?

— Да он сам собой пришёл, ничего я не вырабатывал. Есть такое выражение: «Как Бог на душу положит». На мою — вот так положил. Такой я и получился.

— Картины маслом чем-то напоминают ажурность, воздушность акварели, в них нет мощных мазков, краска как бы сглажена, слита с полотном. Любовь к акварели не уходит?

— Любовь, по-моему, вообще не уходит. Если настоящая, конечно. Она просто перерастает в нечто качественно иное. Так и у меня. Пришла на смену акварели живопись. Почему именно такая? Наверное, потому что переход к маслу у меня не был резким. К тому же меня никогда не устраивала акварель как не дающая глубины. Поэтому моя акварель никогда не была размытой. Текучей — да, но без случайностей.

Вот вам и разгадка того, почему перед полотнам Ивана Копаченко ощущаешь не эффект цвета, а эффект состояния. Природы. Автора в тот момент, когда её созерцал, улавливая тончайшие нюансы. А теперь и твоё собственное состояние на всё это накладывается — и понимаешь: вот она, та самая гармония, к которой стремится любой творец, а достигает не каждый.

— Физиолог Павлов считал: когда в голове появляется идея, глаза начинают видеть факты. У художника так же? Образ рождается сначала в голове?

— Безусловно. Поэтому образу всё подчинено. Но только на первый взгляд кажется, что, скажем, в пейзаже — образ природы. На самом же деле — самого художника. Его личности. Богом данного характера, таланта. Не прямолинейно подаётся, а через определённую, именно тебе близкую, символику. И подать надо так, чтобы было понятно, что хотел выразить. Это и есть искусство. Профессионализм.

— Некоторые ваши работы так увлекают, что чуть ли не буквально перемещаешься в пространстве и времени, оказываешься, там, где вы бывали.

— То, что говорите, — самая высокая оценка мастерства художника. Лучшего комплимента не бывает. Это — предел образности, выразительности.

— Художник чувствует, что именно эта работа получилась и будет не просто очередной, а этапной?

— Настоящая картина получается, когда полностью растворяешься в ней, себя не чувствуешь. Такое бывает редко. Приходит не всегда, не

знаешь, когда доведётся ещё испытать и доведётся ли. Поэтому ценишь каждое такое мгновение. А если зритель попадает на твою волну... Это — верх мечтаний. Не скажу: предел совершенства, такого не бывает. Если потёр руки и сказал себе: «Достиг!» — тиши пропало.

— Один из самых популярных у крымских художников жанров — пейзаж. К сожалению, в большинстве своём — открыточный. При вас это слово и употреблять-то неловко: не берётесь за полотно без зарисовок, эскизов на пленэре. Что для вас, по большому счёту и по собственной оценке, получившийся пейзаж?

— *Наверное, я сам. Ведь я часть этого мира, природы. В творчестве всегда ищешь самого себя. Это аксиома. Как и то, что ищешь до конца дней своих. Бывает, что сбиваешься с пути, возвращаешься, находишь новые точки опоры. Это всё естественно: движение постоянно, без него нет жизни.*

— Пейзаж — ваш основной жанр, но ему и натюрморт не уступает.

— *Натюрмортов у меня меньше, но и они необходимы — тоже ведь часть природы. И о многом могут рассказать. У них свой язык. У портрета — свой. Каждая работа, будь то натюрморт, пейзаж или портрет — результат синтеза философских рассуждений и непосредственных натурных впечатлений. Это цепочка творческих открытий, которые делаешь в предметном, осязаемом мире. Твоя энергия помогает им отразиться на бумаге или на полотне. Любой предмет — символ. Через символы идёшь к разгадке сущего. Внутренняя знаковость предметов — главное, а не эффекты. Если вы уловили в натюрморте тишину, значит, автору удалось сохранить в нём символический подтекст. Добиться совершенства в форме, ритмике, объёме, цвете, пространстве очень сложно. Хотя в нашем ремесле просто вообще быть не может.*

Иван Копаянко любит писать одно и то же место в разное время года, суток. При весеннем обновлении природы и осеннем всполохе перед неминуемым увяданием. Но в них не время главное, а слияние прошлого и настоящего, перетекание одного в другое. Меняется и передающий нам эти состояния мир природы. Но не до неузнаваемости, не отказываясь от прежних внутренних установок, не утрачивая цельности, сокровенности. Его сокровенность незыблема. Она от предков, на корнях которых проросла самобытность. От мамы, которой давно нет, но которая всегда рядом. В каталоге к одной из персональных выставок прочитала: «Поклон, неоплатная благодарность матери, нашедшей силы родить меня в тридцать четвёртом году. А в годы фашистской оккупации из очередного похода, когда ходила в глубь Херсонщины менять соль на хлеб, мама принесла коробочку цветных карандашей и амбарную книгу, заменившую альбом. Она принесла мою судьбу. Мама мытарствовалась по свету с нами, детьми, чтобы выжить, лишившись кормильца во время войны, дала возможность учиться, поняла моё призвание своей крестьянской, христианской душой. Её благодарю и молюсь».

Его сокровенность — в отношении ко всему и ко всем, но наиболее полно испытывают это, конечно же, жена, дочь, внук. Не просто любимые

— самые незаменимые. Главная награда в жизни, как он считает. Но, конечно, слов высокопарных не говорит, всё и без них становится ясно, когда видишь написанные им портреты родных людей. Всего лишь раз, в каталоге, который на нескольких страничках вмещает целый отрезок жизни, признался: «Поклон и благодарность жене Ларисе за то, что увидела, поверила, пошла рядом и впереди». Заслуженный журналист Украины Ларса Фёдоровна Кобаенко с этим «впереди» не согласна: рядом, да. Ей виднее.

— Нет сомнения в том, что художником надо родиться. Но говорят, что даже в гениальности лишь определённый процент дара — свыше, а остальное — трудолюбие. Вы тоже так считаете?

— *Дар — первооснова, конечно. Которая, безусловно, развивается трудолюбием и упорством, стремлением заложенное в тебе реализовать. Но есть и ещё одна очень важная составляющая — духовность. Без неё талант — ничто. В зыбкий песок уйдёт, и ничего ты не достигнешь. Духовность даёт понимание — во имя чего все твои усилия, вся жизнь твоя.*

Каждая новая экспозиция художника — распахнутая душа. Картина — проводник от души мастера к душе зрителя. По большому счёту, восторг испытывает тот, кто открыт к восприятию чужих откровений, выраженных в мыслях и чувствах, выплеснувшихся на полотно. Сдержанный в жизни, немногословный Иван Кобаенко эмоционален и предельно открытвен на холсте. Каждая его работа как письмена, которые надо разгадать. В них не нарочитая символика, а те символы, без которых нет ни жизни, ни искусства. Они очень деликатны и ненавязчивы. В них — мировосприятие и мироощущение художника, решившего поделиться сокровенным с теми, кто готов понять, а значит, и принять. Эта деликатность в изображении знаменитого храма не возвышающегося, не довлеющего, а уютно вписавшегося в природу. Но это не значит, что он стал второстепенным на картине, вовсе нет. Громадные скалы, валуны, острые камни — не просто фон: они так же первостепенны, как святыня: символика ненавязчива, но легко читаема.

— *Природа готова принять человека, но он, к сожалению, далеко не всегда деликатен в отношении к ней, не понимая, что губит не её, а себя, — грустно замечает мастер. — Природа — это то единственное, что способно подарить успокоение. Она гармоничнее нас, значит, мудрее.*

Такая она и на его полотнах — гармоничная и мудрая матушка-природа. Он не обожествляет, а очеловечивает её. На работах Ивана Кобаенко — мышцы земли, пластика скал. Они дышат и разговаривают с нами. Просто не каждый способен услышать. Каждый раз, выходя из мастерской этого художника, хочешь немедленно отправиться на Тарханкут, где он проводит каждое лето, на Карадаг, рвануть в Хибины, на север, проехать и пройти по тем местам, которые он с такой любовью запечатлел, попасть на маленький плот с людьми, для которых от просто средство передвижения, а для тебя — возможность тихо уплыть от затянувшей рутины быта к бытованию.

Картины — записные книжки. Но зашифрованные. Вот они — открывай и читай. Если способен. Не только напряжением собственных мыслей и чувств можно постичь чужие шифры, но и наитием, шестым чувством.

Говорить с Иваном Копаенко о его творчестве и просто, и сложно. Заглядываешь в такой бездонный колодец, что сердце замирает. И хочется именно ему задать вопросы, на которые ещё никто не нашёл ответов. Почему одному дано улавливать все тонкости мелодии, художественного произведения, а другому — нет? Почему один — Ростропович, а другой, играющий по тем же нотам, просто исполнитель? Почему один устремляется к распахнутой душе художника и испытывает восторг, а другой — нет?

Не раз ловила себя на том, что где-то на природе вдруг возникает перед глазами иной пейзаж, написанный Иваном Копаенко совсем в другом месте, даже на далёком севере. В такие минуты понимаешь, что слова «настоящее искусство не отпускает» — не пустой звук.

Симферополь.2010.

